

УДК 398.223

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-87-96

ЭФФЕКТ НЕОЖИДАННОСТИ И УДИВЛЕНИЯ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АДЫГОВ (по материалам цикла об Андемиркане)

Бухуров Мухамед Фуадович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), mbf72@mail.ru

В настоящее время в адыгской фольклористике существует ряд научных трудов, посвященных изучению поэтики и стилистики народного эпоса. В частности, была проведена огромная работа по освещению вопросов, касающихся его генезиса и эволюции, сюжетно-тематического состава, функциональных характеристик персонажей, изобразительно-выразительных средств и др. Однако, несмотря на это, многие проблемы остаются до конца нерешенными. В статье впервые на материале сказаний адыгского историко-героического эпоса анализируются характерные особенности использования эффекта неожиданности и удивления как одного из важных способов в художественном повествовательном тексте. Для этой цели в качестве примера рассматриваются варианты песни и сказания цикла об Андемиркане, где названный эффект играет значительную роль в изображении и идеализации героя. В работе отмечается, что самыми популярными в младшем эпосе ситуациями, создающими эффект неожиданности и удивления, являются социальное положение и молодость героя. В связи с этим в статье особое внимание обращается на конкретные формы реализации мотива «предварительной недооценки». Значительный интерес представляют также некоторые художественно-изобразительные средства (гипербола, литота, сравнение и др.), которые во многих случаях представлены в качестве эффектов преувеличения, преуменьшения, неожиданности и т.п. Статья написана с опорой на фундаментальные исследования отечественных ученых А.М. Гутова, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, А.П. Скафтымова, а также с привлечением обширного фактического материала, отобранного для включения в очередной том антологического свода адыгского фольклора.

Ключевые слова: адыгский фольклор, историко-героический эпос, эффект неожиданности и удивления, мотив «предварительной недооценки», богатырь, нартские сказания, цикл об Андемиркане.

В отечественной филологической науке давно и достаточно продуктивно исследуются основные композиционные приемы фольклорных произведений, к числу которых относится эффект неожиданности и удивления, без чего не обходится практически ни одно художественное повествование. Как было отмечено А.П. Скафтымовым, «на тревогах загадочности неопределенного колебания действующих сил строится занимательность огромного большинства эпических и драматических произведений, начиная с простонародного анекдота, бульварного романа и кончая высокими образцами классических трагедий» [Скафтымов 1958: 5]. Например, согласно теории комического, выдвинутой В.Я. Проппом, «мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку

внешних, физических данных» [Пропп 1999: 176]. Другими словами, как пишет А.А. Балдынова, «...если сознание неожиданно замечает в каком-либо объекте недостаток, отклонение от нормы, то это, как правило, вызывает смех, вызванный противоречием» [Балдынова 2011: 242].

В историко-героическом эпосе подобные эффекты имеют несколько иной характер. По справедливому замечанию А.М. Гутова, «событийная основа, на которой основывается сюжет в младшем эпосе, в большинстве случаев или действительно имела место в жизни, или же, во всяком случае, могла восприниматься как вполне вероятное реальное явления» [Гутов 2009: 137–138]. Поэтому для данного вида эпоса отступлением от нормы можно признать, например, встречающиеся здесь типичные для персонажей нартского эпоса, волшебных и богатырских сказок мотивы чудесного рождения, быстрого роста, а также элементы, характеризующие необычайные свойства героя, его коня и оружия, которые возникли на базе мифологических представлений древних людей. И, если следовать суждениям ученых, наличие этих элементов в повествованиях позднего эпоса вызывает повышенный интерес у слушателя к тому или иному объекту, в нашем случае – к образу Андемиркана.

В адыгском фольклоре он представлен как реальная личность (как считают ученые, он жил в XVI в. [Гутов 2000: 34–35]). Вместе с тем, в его образе наличествуют черты, указывающие на необычайное происхождение. Как говорится в варианте Сохова Мамизы (1856 г./р.), отец изгоняет свою дочь; в лесу она встречается *мезитля* (лесной человек), и становится его женой; от этой брачной связи рождается Андемиркан [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр 1969: 219–220]. Согласно другой версии, на берегу Хазас-моря живет какой-то богатырь; он совершает набег и похищает дочь Карабовых; у них рождается Андемиркан [Кабардинский фольклор 2000: 308–313]. В сказании «Тума» Андемиркан происходит из богатырского рода, живущего на каком-то острове [Кабардинский фольклор 2000: 303–308].

Следует обратить внимание и на место рождения героя. Как было отмечено В.Я. Проппом, в архаическом фольклоре лес, край за горизонтом, за морем и пр. символизируют иное царство [Пропп 2000]. В адыгских сказках, например, самая красивая девушка живет там, «где восходит» солнце, чтобы добраться до этого места, герою нужен чудесный богатырский конь (Альп), и, как оказывается, он тоже обитает за рекой [ФАИГИКБНЦРАН. Инв. № 1037]. В нартском эпосе пастух, от которого рождается Сосрыко, находится по ту сторону реки [Нарты. Адыгский эпос... 2012: 181]; отец Татаршао – из края за рекой [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-м. П. 4]; мать Химыща и Озырмеса – из подводного мира [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 4]; мать Батраза Испы-Гуаша – из края испов (карликов), а мать Шауея – из края иньжей (великанов) [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 32-и. П. 2]. Подобно им, в варианте Сохова Андемиркан рождается в лесу (в пещере), в двух других – за морем (между двумя морями). Однако на этом еще не завершается рассказ о чудесном происхождении героя. В приведенных примерах очередным композиционным элементом выступает универсальный мотив «переправы героя из иного царства в наш мир» (см. об этом: [Кудаева 2012]): в первом и в третьем вариантах на младенца налетает огромный орел и он приносит его в Кабарду, а во втором – функцию орла выполняет река (море): мать запирает мальчика в сундук и бросает его в море (в реку), и его находят на берегу.

Как видно, Андемиркан наделяется некоторыми чертами чудеснорожденного богатыря архаического эпоса, и тем самым «на вершину внимания выносятся» его образ: он отличается от других храбростью, богатырской силой, героизмом и пр., потому что, во-первых, его отцом является или сверхъестественное существо мезитль или богатырь; во-вторых, рожден в краю «за горизонтом» (за морем); и в третьих, переправляется в Кабарду необычным образом – при помощи громадного орла (в сундуке). Согласно мнению А.М. Гутова, «совершенно очевидно, что

отголоски древнего мотива в данном случае по-прежнему сохраняют свои функции – выделяют героя из общей среды персонажей, характеризуемых только как люди во всем обыкновенные» [Гутов 2009: 29].

Таковую же функцию в его образе выполняет и мотив «предварительной недооценки». Как известно, часто в нартских сказаниях, волшебных и богатырских сказках центральный персонаж в начале повествования характеризуется как «низкий», «не подающий надежд». По замечанию Е.М. Мелетинского, такой герой «занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги...» [Мелетинский 1958: 213]. Подобное явление в фольклоре, по мнению А.П. Скафтымова, следует отнести к эффектам неожиданности и удивления, и, как считает ученый, «загадочность, неожиданность и иные интригующие и удивляющие эффекты, сообщая рассказу и ходу действия увлекательность напряжения и подъема, содействуют художественному самозабвению читателя и зрителя и скорее всего достигают цели привлечения и закрепления интереса к рассказу», т.е., по его словам, они «выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным» [Скафтымов 1958: 5–6].

В ранних формах сюжета о рождении Андемиркана мотив «предварительной недооценки» характеризуется следующими обстоятельствами: а) его родители неизвестны; б) он найденный:

«Андемыркъан абы [мэзым] цагъуэм кыыцагъуэтац, бгъэ абгъуэм илгу. Къаншыуей шыц Шормэн Андемыр инац» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – *«Охотники нашли Андемиркана там [в лесу] в орлином гнезде. Его воспитал Андемир Шорман из Канишууей».*

«Андемырыжъыр цагъуэ шьыхъау цлэту кыгъуэтыри, бгъэжъ абгъуэм кыыцигъуэтыри ихъа» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 2] – *«На охоте старый Андемир <...> нашел <мальчика> в орлином гнезде и взял <на воспитание>».*

Однако черты «низкого героя» более отчетливо проявляются в его образе в более поздних версиях сюжета. В них одними из распространенных ситуаций, мотивирующих недооценку, являются социальное положение и молодость героя. Социальное положение Андемиркана определяется тем, что он является *тумой* (букв.: незаконнорожденный), при этом его мать – *унаутка* (букв.: рабыня). В эпизоде, сообщающем о социальном положении героя, действие разворачивается следующим образом (здесь учитываются морфологические элементы, предложенные В.Я. Проппом на материале волшебной сказки [Пропп 1969: 30–31]):

1. Один из членов семьи отлучается (определение – *отлучка*, обозначение *e*). В варианте Чеченова Мурида [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9] *отлучка* имеет усиленную форму (по обозначению В.Я. Проппа – *e²*), представляющую собой смерть жены князя: *«Андемыр и къуэжъым и фызыр ллати...»* – *«У старого <...> Андемира умерла жена и...».*

2. В некоторых версиях, в частности, в варианте Тумова Гура [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 18], функция *e²* (*отлучка*) заменяется элементом недостачи (*a*). Для обозначения этого элемента В.Я. Пропп предлагает следующую формулировку: «Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» [Пропп 1969: 37]. В нашем случае это отсутствие в семье детей, точнее – наследника у князя (*a¹*): *«Ахъло и къуэжъым и фызыр лъхуэтэкъым, фызыр мьлхуэт»* – *«Жена старого <...> Ахло не могла иметь детей, <она> была бесплодной».* Ср.: в варианте Амшокова Мухадина [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 6]: *«Ельыхъу и къуитым я зым и фызыр лъхуэтэкъым»* – *«Жена у одного из двух сыновей Этлуха не могла иметь детей».*

3. К герою обращаются с запретом (*запрет* (*b*)). В рассматриваемом цикле прямое обращение к герою с запретом отсутствует, но есть косвенные признаки, указывающие на это, и они основываются на табу на внебрачную половую жизнь и на брак между представителями различных сословий.

4. Запрет нарушается (*нарушение (b)*): князь вступает во внебрачную связь с унауткой, вследствие чего рождается Андемиркан: «Альхъо и къуэм и унэЛутым къыригъэльхуац сабий гуэр» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 5] – «Унаутка родила ребенка от сына <князя> Альхо»; «Андемыркъаныр, нэхъыжсэхэм зраЛуатэмкIэ, Джылэхъстэней Беслъэнеицым и унэЛут гуэрым къылхуац. УнэЛут цIыхубзыр нэхъыниэу лъэщыджэ хуат» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 23] – «Как рассказывают старшие, Андемиркана родила какая-то унаутка князя Гиляхстаней (Малая Кабарда) Беслана. Унаутка стала беременной вне брака».

5. Следующим звеном в структуре рассматриваемого сюжета является функция *вредительство (A)* (по определению В.Я. Проппа: «Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб»). В цикле об Андемиркане она соответствует форме A^{10} . В сказке эта форма имеет следующую трактовку: антагонист «приказывает кого-либо бросить в море (A^{10}). Царь сажает дочь и зятя в бочку, а бочку велит бросить в море... Родители высаживают спящего сына в море на лодочке...» [Пропп 1969: 35]. Выше мы рассматривали те случаи, когда герой переправляется из «иног царства» в наш мир в сундуке. В данном случае речь идет о форме реализации функции «вредительство» в поздних версиях сюжета о рождении Андемиркана. И, как показывает анализ материала, здесь она представлена в ослабленном виде. Во многих сказаниях присутствует мотив удаления героя – элемент широко известного в мировом фольклоре и литературе «Эдипова сюжета»: новорожденного (Андемиркана) бросают (оставляют в лесу, на обочине дороги). В сказке антагонист (царь, князь, хан и т.п.) совершает подобное действие, чтобы погубить героя, а в сказаниях об Андемиркане – с целью сокрытия обстоятельства рождения младенца. Т.е., здесь мы сталкиваемся с ситуацией, о которой писал В.Я. Пропп: «...ребенка, назначенного на смерть, одновременно спасают от смерти» [Пропп 1976: 272]. По его словам, «получается впечатление, что ребенка снаряжают вовсе не на смерть, а на далекое путешествие, причем делают все, чтобы он остался жив и был благополучно воспитан» [Пропп 1976: 273]. И, как принято в фольклоре, такой персонаж должен отличаться от других мужеством, героизмом, силой и т.п. Именно таким героем Андемиркан представлен в сказаниях, но, как правило, в начале повествования он проходит тот же «путь», отмеченный В.Я. Проппом: по варианту Амшокова Мухадина, бездетный князь, по совету своей жены, вступает во внебрачную связь с унауткой (подобное действие княгини объясняется элементом недостачи a^1), и впоследствии рождается Андемиркан. Это становится побудительным мотивом для удаления новорожденного (см. выше: *нарушение запрета (b)*): чтобы скрыть поступок князя, младенца относят и оставляют на обочине дороги, по которой будущий *аталык* (воспитанник) должен возвратиться домой: ««Сыту напэтех, мыр дэ къыддалъэгъуну, цIыхум зэхыху!» – жиIэри хуабжъу гузэвац. Аурэ яцIэныр ямыщIэу, зекIулэхэр зыщызекIуэ гъуэгум яхъри тралъхъац» – «Какой же позор <для нашего княжеского рода>, чтобы такое видели в нас, чтобы люди слышали такое о нас!» – говоря, встревожились <представители рода>. Так и не зная что делать, отнесли и оставили на обочине дороги, по которой наездники должны были возвращаться домой». Ср.: в варианте Тумова Гур: «<Альхъохэ> я унэЛутыр ягъэлъэщыджэжэри укIытэжсац» – «Унаутка зачала от <князя из рода> Альхо, и им [представителям княжеского рода] стало стыдно <из-за этого>».

Возвращаясь к теории комического В.Я. Проппа, следует сказать, что если в смеховых жанрах фольклора скрытые недостатки обнаруживаются по мере развития сюжета, то в рассматриваемых сказаниях центральный персонаж наделяется ими в начале повествования, а «внезапным открытием» являются неведомые до поры до времени подлинные достоинства: богатырская сила, мужество, героизм, рыцарское благородство.

Из приведенных примеров видно, что Андемиркана недооценивают, недолюбливают с самого рождения, потому что он – сын унаутки, незаконнорожденный, найденыш (подкидыш). Однако неожиданно этот персонаж проявляет свои богатырские качества еще в колыбели:

«Ар [Андемыркъан] гуцэм ханхауэ и анэр псыхьэ кӀуащ. Абы гуцэпсыр зэтиудри гуцэм итӀысхьауэ джэгуу гуацэжьбым ильагъури пцым цыжыриуэм, хуабжъу гузэващ, <...>. Унафи ицӀащ пцым: «Нэхъ быдэӀуэу хэфпхэ!» – жиӀэри. ВытӀошыцӀэкӀэ ханхащ, ари зэтиудри гуцэм кӀытӀысхьэжъауэ джэгуу яльэгъуащ» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 5] – «Его [Андемиркана] уложили в люльку, а мать пошла за водой. Княгиня увидела его [младенца], который, разорвав ремни люльки, приподнялся и стал играть, и когда об этом сообщила князю, он сильно заволновался <...>. Князь распорядился: «Запеленайте покрепче <...>». Запеленали ремнем из шкуры вола, но его тоже он разорвал, приподнялся и снова стал играть. Вот так его увидели».

Совершенно очевидно здесь влияние архаического эпоса, где подобным образом обозначено богатырство Батраза и Ашамеза.

В сказании «Жизнь и смерть Андемиркана», опубликованном на русском языке в книге «Кабардинский фольклор» [Кабардинский фольклор 2000: 288–295] молодость героя изображается следующим образом: «Андемиркан своей ловкостью привлек внимание гостей. «Мальчик совсем еще дитя, – вели между собой разговор тиш, – но все же, давайте спросим его мать, не отпустить ли его с нами. С тем и пошли к матери. Она им в ответ: «Он еще мал. Трудно вам будет возиться с ним...». Однако, только благодаря ему, всадникам удастся достичь цели (пригнать лошадей) и успешно вернуться домой: он ночами сторожит коней, добывает огонь и спасает их от холода, находит еду и кормит их и т.д.

В «Сказании об Андемиркане» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-д. П. 7] он сам просит князя Альхшу и Андемира взять его с собой на охоту со словами: «Сыздэфшэ сэри пцафӀэу» – «Меня тоже возьмите с собой <хотя бы > поваром». Но ему отвечают: ««Дэнэт уэ..., уэ шым утешцхьэанти...» – «Тебя, куда там..., навалишься ты на коня...». Так сказав, охотники уезжают без него. Но Андемиркан находит какого-то старого, невзрачного коня и, оседлав его каким-то старым седлом, садится на него и пускается за ними. Он догоняет их, но некоторые охотники, выражая свое недовольство, относятся к нему с пренебрежением. Но, как правило, он совершает подвиги: добывает чудесных коней, как и в приведенном варианте, спасает их от голода и от холода.

В сказании «Андемыркъан и таурыхъ» («Таурих об Андемиркане») [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 7] герой представлен в юношеском возрасте. Увидев на берегу моря чудесных богатырских коней, мальчик решает добыть одного из них. Узнав об этом, мать всячески старается удержать его, потому что он еще слишком молод, поэтому не доверяет ему: «Хьэуэ, укӀуэдыниц» – «Нет, ты пропадешь» – говорит мать и отказывается приготовить для него дорожные припасы. Но он идет и добывает чудесного коня. В подобных случаях герой бросается на спину богатырского коня и укрощает его: «АтӀанэ, жыгым зыкьыридзыхыри шым зытыридза, шыбзыр цӀэцӀэфтыри, нэбгъэфым кӀытехуэри, зэпыриха» – «Потом <Андемиркан> прыгнул с дерева и бросился на кобылицу, но кобылица отскочила в сторону, и <Андемиркан> очутился <на спине> жеребенка, и тот перенес <его через море>» – говорится в другом сказании [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 2]. В данной ситуации кобылица заменяется жеребенком, и это неслучайно. Часто в богатырской сказке и в старшем эпосе герой выбирает из целого табуна неказистого жеребенка, из которого в дальнейшем выходит настоящий альп, т.е. богатырский конь. В приведенном примере Андемиркан, хотя он еще и мал, обладает огромной физической силой. Несмотря на это, ему едва удастся укротить жеребенка, но этим подчеркивается не слабость героя, а сила

богатырского коня, и таким образом на вершину внимания выносятся его образ. В варианте Тумова Гура [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 18] мотив добывания коня имеет несколько иную форму объективации, но и здесь для идеализации его образа используются эффекты неожиданности и удивления: только что родившийся жеребенок перепрыгивает через свою мать; из его ноздрей летят искры: *«Шыцлэр и анэм ельэу-кьельэу, и пэцхьынхэм хьуасклэр кьильэлу <Андемиркьан> ильэгьуац»* – «<Андемиркан> увидел, как жеребенок перепрыгивает через свою мать, и как из его ноздрей искры летят». И, как это принято в эпических жанрах героического цикла, Андемиркан выбирает из других лошадей именно этого жеребенка, и в дальнейшем на нем совершает подвиги. Более того, неуязвимость героя связана с ним и с его мечом (луком): *«Тхуэукьынулым, – жааац, жи, – и сагьындакьыр иыгыгу, и джатэр иыгыгу, и шым тесыжу цытым. И джати и сагьындакьи имылыгыгу и шым тесым дытекьуэнулым, – жааац»* – «Не сможем одолеть его, – сказали, говорит, – пока при нем будут его лук и меч, пока будет на своем коне. Не сможем одолеть его, пока он будет на своем коне, даже если он без меча и лука» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10].

Очень часто в цикле для усиления названных эффектов используется гипербола (иногда – в сочетании с литотой). Персонаж, которого недооценивают в начале повествования, в дальнейшем наделяется следующими способностями: *«Андемиркьан кьэгубжьам и кий макьым цьыху игьацтэу иллыкьынкьэ хьун хуэдизу пхьашэт»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – «Андемиркан был настолько суров, что от окрика, изданного им в гневе, мог умереть человек»; *«<шууитлым> ябгьурихуэри цацлэкием, шууитлри цтэри шым кьехуэхац»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 8] – «приблизился <Андемиркан к всадникам> и крикнул, от испуга оба всадника упали со своих коней»; *«Ар кьэгубжьам и цхьэцым зыкьырисэти пылэр кьилэтырт. Ахуэдэу хьуац, и сагьындакьыпэри сысац. <...> Еуэц аби, и клэпкьым и цхьэклэ цытехуэри и бгьэмклэ кьыпхыкьлри и жьэгьум техуац и пэбгыр кьызышудыжри ар Бесльэн Пцлацлэжьым и гульэмыжым техуэри и гур гульэф хьуац. <...> Пелуант, жааа, вийкьэ зэрывэ пхьэлэцэр кьуэрыкьуэм зэрытету церп укьуэдия пхьэлэцэр зэрывэр кьыфлхри флильхьэжст, жааа. Унэм цыщлхьэм цыгьуэ бгьукьэ флэкла цлэхуэтэлым, жааа. Бгьунжу гьуэлям-цэ, и бгырыпхыпэмкьэ джэдур хуиту цлэжст, жааа»* [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10] – «Когда он был в сильном гневе, его волосы становились дыбом и от этого приподнимался шлем. Так и случилось <на этот раз>, задрожали и наконецники стрел. <...> Выстрелил он <в оленя>, и <стрела> попала чуть выше хвоста, <прошла через все тело>, пробила грудь, отсюда попала в подбородок <оленя>, раздробила ему нос, потом она попала в ось колеса арбы Беслана Тучного, <пробила колесо к оси> и арба остановилась. <...> Он был богатырем, – говорят, – при вспашке на ходу снимал <с ярма> натянутую цепь плуга, в который были запряжены восемь волов, и обратно привязывал, – говорят. В дом заходил, повернувшись боком, так как не вмещался <в дверной проем>. Когда лежал на боку, под его талией кошка могла пробежать легко, – говорят».

Несмотря на такие достоинства Андемиркана, князь Беслан Тучный и его сподвижники недооценивают его: они отказываются признать его благородное происхождение и причислить к «чистокровным князьям». Но и Андемиркан тоже стремится доказать свое превосходство над ними. И данное обстоятельство становится причиной возникновения конфликта между ними. Как отмечает А.М. Гутов, «...герой не может соперничать с настоящими князьями, пока не докажет свою полную состоятельность в соперничестве с ними. Поэтому единственная возможность для него самоутвердиться – в проявлении незаурядных личностных качеств» [Гутов 2009: 144]. В принципе, это и является главным сюжетобразующим компонентом большинства сказаний рассматриваемого цикла. Поэтому, чтобы акцентировать внимание слушателя на это, повествование «прибегает» к

эффектам неожиданности и удивления. Так, в варианте Чеченова Мурида [АИ-ГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-г. П. 9] князь Беслан, чтобы напомнить ему о его происхождении и заодно унижить его, обращается к нему со словами: «– Хьэ-уэ, уэ уфIкъым, уи хьэ дауэ фIы хьун?! Бесльэнхэ пицы лъэпкъыц, уэ упицы-тумэц. Пицы-тумэрэ хьэ-тумэрэ зыхэбгъыхьэ хьунукъым, – жиIац Бесльэн» – «– Нет, ты сам низкий <человек>, может ли у такого как ты собака быть благородной?! Беслановы – из <чистокровного> княжеского рода, а ты – князь-тума. Нельзя причислять князя-туму и собаку-туму к тем, <у кого благородное происхождение>, – сказал Беслан». В этот момент князь и его слуги были заняты охотой. Слуги подгоняли к нему животных, и он подстреливал их, сидя в арбе. Беслан трижды промахивается, а Андемиркан одним выстрелом пригвозждает кабана к колесу арбы. Потом обращается к Беслану: «– Бесльэн ПцIапцIэу гурышэ, си шэм и кIуэкIэр уигу ирихьа? – жиIэри» – «– Беслан Тучный, которого возят на арбе, понравился ли тебе полет моей стрелы? – говоря».

В этом противостоянии Андемиркан, как можно судить, исходя из законов элементарной логики, терпит неудачу – он погибает. Однако эффект неожиданности и удивления проявляется в том, что физическая гибель героя оказывается его духовной победой. Согласно сюжету о его гибели, его побратим, Канибулат, нарушает клятву дружбы и выводит его на открытое, осажденное врагами место. Герой оказывается перед целым вражеским войском без своего могучего меча и богатырского коня. Т.е., в этом эпизоде Андемиркан представляется не во весь рост: он ослаблен, уязвим, никто не надеется на него. При этом силы врага преувеличиваются. По наиболее распространенной версии, в засаде его ожидает целое войско: с одной стороны – пешие стрелки, а сзади его атакуют хорошо вооруженные всадники. Однако, несмотря на это, он, неожиданно для всех, затевает с ними битву, проявляя доблесть и героизм: «*АштIым зацIэкIэ лIибгъу иукIац...*» – «*Одним кулаком девятерых витязей убил*», – говорится в вышеуказанном варианте Керефова Шумихи [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 10]. Более подробно эта ситуация описывается в версии Шхагапсоева Амбия: «– *А Къаниболэт, сыбгъапцIэри шIым и пцIананIэм сыкъыпишэц! – жиIэри, къызыIэбэкIри и жьакIэр пигъэциц, и Iэхьуамбицири дигъакIуэци, – Уащыгъутицэнкъым, – жиIэри и нэкIум дамыгъэр тридзац. И джатэр ирихри яхьхьэци, мэл жьагъэ хабзэу зэрихуэрэ зыбжани зэтриукIэри, езыр абдежкIэм къыцаукIац*» [АИГИКБНЦРАН. Ф. 12. Оп. 1. П. 21-е. П. 4] – «– *Эх Канибулат, обманув меня, ты на голое [открытое] место меня вывел! – говоря, <Андемиркан> оборачивается и ему бороду отсекает, заодно три его пальца отрубает, – Тебя не забудут, – говоря, на его лице клеймо <позора> ставит. <Потом> обнажив свой меч, направляется <к врагам> и, гоня их овцам убойным подобно, многих сражает, и сам погибает <в этом сражении>*».

Здесь надо иметь в виду общее для эпохи рыцарства представление о том, что гибель в сражении открывает прямую дорогу к благоденствию в потустороннем мире. Поэтому она не означает поражения в духовном смысле.

Эффектами неожиданности и удивления наполнена и песня об Андемиркане, при этом здесь они, благодаря сочетанию литоты и гиперболы, принимают усиленную форму. Как и в прозаических повествованиях, он рождается в Междуморье, на него налетает орел, приносит в Кабарду, и сразу же после того, как опускается на землю, начинает совершать подвиги (ср. в нартском эпосе в пшинатлях о Батразе: «*Зи гум из, гумызицэр зыкIуэцIыль, Ныбэм илгу лъыр зыцIэж...*» – «*<Витязь> доблестный, ста доблестным равный, Еще в утробе находясь, за кровь <отца> отомстивший...*» [Нарты. Адыгский эпос 2017: 130]). Эта ситуация обстоятельно характеризуется, например, в варианте Хажмурата Жилетежева, и для наглядности считаем необходимым привести большой отрывок, в котором наличествуют формулы, определяющие мощь героя:

<...>

*Щыльэми носыри, тшаггэуэ гуэрэнти, ноув,
Табын увыггэти, гуаццэвий хабзэти, зэццесэ,*

<...>

*Хьунццэ кьшиццынкцэ шууицэ пццондэр фццэмаццэцц,
Бийм нацццокццери, мэл жьаггэуэ хабзэти, зэрехуэ,
Джатэр црехьыри – бийм я гуиццэгуу и гьуэгуиц,*

<...>

*Зэдытырапхьэри – и афэ гьуапэр и мэлуи,
Бжыиццхьэу ишыггьыр лыхьу-лыиццхьэ нэлуи и лыиц,*

<...>

*Узэрыццалэрэ хьэццхьэрылуэгур пхуимыкц,
Пщым я нэхьыкцэти, Кьаниболэтыр уи егьут,
Жэрэгьум и тхьэр Кьаниболэтым хыггэуэж,
Тхьэкцэ сегьапццэри щыи и пццанапцэм сьрешэ,
Сыкьыдырейшери, Хьуушцхьэ мэзти, сьщцешэ,
Сяпкцэ сьпллэм – лъэсыи и фочауэр кьыщыиц,
Сыкьеплэжкыжым – джатэ кцэццц шухэр кьэсаш,
Сывдэджэгуицти, си джатэ кцэцццыр цэггэуэджэц,
Сынывэлгэнуицти, Жэман-Шырыкьым сьтескьым,
Сывдэлэжхьунуицти, си шырыкьуицтыр си лъэхьуш,
Щыиццгу ятцам, лъакьуэ зэбгьурицти, сафцолэц,
Джатэр си баицти, лыхьур цэджэццэц, хьэццэаццэц,
Битури носыри и лъэкцэмплэшэр спьуедэц,
Зыкьыццэццэцкьыри жьацкцэцэ мацццэр пьызггэццц,
«Узэхэццэццэцц», – жьыццэцэри и нэццэццэ дамыггээр кьыицэццэццэц,
«Сьиццыггэуиццэццэцкьым», – жьыццэцэри и цэхьуамбиццыр дэццэжэцкьуиц,
Хьуу икьыкьуиц гуицэц, хьэжкьуиц лъэрыицэцти, докьыж*

[АЙГИКБНЦРАН. Ф. 2. Оп. 1. П. 21-г. П. 1].

<...>

*На землю опускается, <он>, густому туману подобно, становится,
Табуном выстроились <враги>, <Андемиркан с силою> восьми
мощных волов <им> противостоит,*

<...>

*Чтобы <в одиночку> устроить нападение, сотни <вражеских>
всадников для него мало,
Крикнет на врагов – <их>, овцам убойным подобно, гоняет,
<Он> меч обнажает, и тела врагов – его дорога,*

<...>

*<Стрелами> осыпают друг друга, рукав его кольчуги ему щит,
Наконечник копья, которого в его руках – для лица мужа
доблестного [противника достойного] – жало,*

<...>

*С юных лет твое бешеное [храброе] сердце не успокаивается,
Самый скверный среди князей, Канибулат – <он> твой враг,
Бог-покровитель дружбы пусть Канибулата покарает,
<Он меня> клятвой <ложной> обманывает
и на голое [открытое] место выводит.
Выводит меня, там Хеу-лес, и <туда меня> заводит,
Вперед гляну – стрелки пешие сидят <в засаде>,
Назад гляну – с короткими мечами всадники близко [явились],
Посостязался бы с вами – мой короткий меч недоступен,
Перепрыгнул бы через вас – не на Жаман-Шарыке я сизу,
Впередонки побежал бы с вами – мои сапоги мне обуза,
Ловчую яму, что вырыли <мне>, двумя ногами я перескакиваю,
Меч вместо посоха <опорой> мне <в руке> был, витязь
отважный сражен,*

Биту прибывает, ногу кривую мне подставляет,
Разворачиваюсь, <у него> бороду редкую отсекаю,
«Ты наездник», – сказав, на лице клеймо <позора> ставлю,
«Меня не забудешь», – сказав, три его пальца заодно отсекаю.
Хеу без брода был, о горе, оставшиеся <в живых>
узкой тропой выходят <из ущелья>.

Исходя из всего сказанного, можно отметить, что эффект неожиданности и удивления является характерной чертой и для историко-героического эпоса. Он выполняет важную роль в сюжетосложении и в архитектонике образа центрального персонажа фольклорных произведений, объединяемых под обозначенной разновидностью адыгского эпоса. Анализ материала, который опирается на сказаниях об Андемиркане, показал, что здесь встречаются те же средства достижения названного эффекта, что и в архаических жанрах устного народного творчества адыгов, в частности, в богатырских сказках и нартском эпосе. Это, в первую очередь, мотив предварительной недооценки героя в силу его молодости или социального положения. Для этой цели используются также различные поэтические тропы – эпитет, гипербола, литота, сравнение и т.д. Благодаря им на вершину внимания выносятся сила, мужество, доблесть, героизм, благородство героя, в образе которого воплощены черты адыгского средневекового рыцаря.

Источники и литература

1. Адыгэ Гуэрыгуатэхэр. Томитгу / зэхэз. КъардэнгъушI З.П. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапIэ, 1969. 2 т. Н. 286. (Адыгский фольклор. В 2-х томах / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1969. Т. 2. 286 с.).
2. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
3. Балдынова А.А. Роль эмоции удивления в организации структуры немецкого анекдота // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 241–244. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-emotsii-udivleniya-v-organizatsii-struktury-nemetskogo-anekdota> (Дата обращения: 25.09.2019).
4. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
5. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 219 с.
6. Кабардинский фольклор / общ. ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 651 с.
7. Кудалева З.Ж. Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 84–89.
8. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 264 с.
9. Нарты. Адыгский эпос. Озырмес. Батраз. Ашамез / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ИГИКБНЦРАН, 2017. 468 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2-%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.-%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (Дата обращения: 22.10.2019).
10. Нарты. Адыгский эпос. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., коммент. И.В. Пешкова. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. 336 с.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
13. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). (Собрание трудов В.Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю.С. Рассказова. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. 288 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/propp/index.php (Дата обращения: 25.09.2019).

14. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
15. *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: «Саратовское книжное издательство», 1958. 392 с.
16. *ФАИГИКБНЦРАН* – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

**THE EFFECT OF UNEXPECTED AND ASTONISHMENT
IN THE HISTORICAL AND HEROIC EPIC OF ADYGS
(based on the materials of the Andemirkan cycle)**

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Sector of the Adyghe Folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), mbf72@mail.ru

Currently, in Adyghe folklore there are a number of scientific works devoted to the study of poetics and stylistics of the folk epic. In particular, a huge amount of work was done to cover issues related to its genesis and evolution, plot and thematic composition, functional characteristics of characters, visual and expressive means, etc. However, despite this, many problems remain unresolved. For the first time on the basis of the legends of the Adyghe historical and heroic epic, the article analyzes the characteristic features of using the effect of unexpected and surprise as one of the important ways in a literary narrative text. For this purpose, as an example, the variants of the song and the legend of the cycle about Andemirkan are considered, where the named effect plays a significant role in the image and idealization of the hero. The work notes that the most popular situations in the younger epic, creating the effect of unexpected and astonishment, are the social position and youth of the hero. In this regard, the article focuses on specific forms of implementation of the «preliminary underestimation» motive. Of some interest are also some artistic and pictorial means (hyperbole, litota, comparison, etc.), which in many cases are presented as effects of exaggeration, understatement, surprise, etc.

The article is based on the fundamental researches of Russian scientists E.M. Meletinsky, V.Ya. Propp, A.P. Skaftymov, A.M. Gutov, as well as involving extensive factual material selected for inclusion in the next volume of the anthological code of Adyghe folklore.

Keywords: Adyghe folklore, historical and heroic epic, effect of unexpected and astonishment, motive of «preliminary underestimation», hero, Nart legends, cycle about Andemirkan.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-87-96